

МАСЛЕННИКОВ А. С. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

МАСЛЕННИКОВ Анатолий Селивестрович, родился в 1861 в селе Макарово Балашевского уезда Саратовской губ. Получил высшее военное образование, с 1882 — служил офицером в Генштабе; полтора года просидел в крепости за свои убеждения. В 1910-х — военный агент во Львове. В 1914 — на фронте командиром полка в чине генерал-майора; с 1918 — начальником школы красных командиров РККА и преподавал военное дело в школе. В 1924 — после демобилизации преподавал военное дело в Ветеринарном институте в Омске. 7 ноября 1929 — арестован по подозрению в шпионаже, 28 апреля 1930 — приговорен к 5 годам ссылки и в июле отправлен в Туруханский край¹.

В июле 1934 — просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<24 июля 1934>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Писал Вам в 1930 г<ода> из Омска, но не получил никакого ответа, что вполне возможно было, т<ак> к<ак> письмо посылал из дома заключения, да и вскоре был отправлен в ссылку в Туруханский край.

Арестован был в 1929 г<ода> 7-го ноября органами ГПУ без объяснения причин ареста. Был преподавателем военных наук, как сам академик, генштабист, в Ветеринарном Омском институте. Никаких личных сношений со студентами не имел, ни в чем преступном не чувствовал себя виновным. Находясь арестованным при Омском ОГПУ, несколько раз был допрошен. Каждый раз предъявляли все новые обвинения и, в общем, ничего не могли предъявить для определения моей виновности.

Просидев в ОГПУ около 5 месяцев, был отправлен в дом заключения, где тоже просидел около 4 месяцев без всякого допроса до мая месяца 1930 г<ода>; после многих этапов, был отправлен в распоряжение Красноярского ОГПУ. Как при отправлении, так и во время пути никто мне не мог объяснить причину высылки, срок и по какому постановлению. В Красноярске, в доме заключения несколько раз об этом подавал заявления, но ни разу не удостоился ответа. В июле 1930 г<ода> распоряжением Красноярского ОГПУ был отправлен в ссылку в Туруханский край: сначала назначили станок Ангутика, через некоторое время перевели в Ново-Туруханск, затем в Конощель и, наконец, в Старо-Туруханск, где и нахожусь в сие время уже два года.

В России я совершенно одинок, семья моя проживает за границей в г<ороде> Львове, как тамошняя уроженка; в России никогда не жила и русского языка совершенно не знает, дети еще несовершеннолетние, учатся там же и тоже не знают русского языка. Женился я за границей, в бытность военным агентом, находясь в командировке, до Германской войны, когда был отозван и получил назначение командовать полком, семья же оставалась за границей, где у жены еще до сих пор жива матушка и много родных. Здесь, в России у меня нет совершенно родственников, и никто не может мне прийти на помощь и похлопотать за меня; отдаленность же ссылки от центра не дает возможности восстановить справедливость и исправить ошибку. Жизнь в Туруханском крае для меня гибель. К физическому труду не годен, как раненый и контуженный на войне, а 74 года от роду делают меня вторым инвалидом. В царское время на военной службе прослужил 35 лет, в Красной Армии, как начальник Школы красных командиров — 6 лет, выпустив более 3000 курсантов, т<ак> к<ак> был еще и преподавателем военных наук в

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 479. С. 11-12.

нормальной школе. Из Красной Армии был уволен по предельному возрасту и, как не дослуживший двух лет, не получил пенсии. Отдать более половины своей жизни государству и не получить никакого пособия не только обидно, но и больно, не говоря уже о справедливости. Находясь же здесь, при страшном суровом климате, при отсутствии каких-либо средств к существованию, я положительно голодаю, не упоминая об одежде, белье и обуви. Пользуюсь подаванием добрых людей, но это так подчас тяжело, что и отказываешь, несмотря на голод.

Станок глухой, народ некультурный и даже не с кем обменяться мыслями, между тем чувствую, что дурею, читать нечего, получить даже газету трудно, сообщение очень трудное, а два раза в году положительно отрезаны от всего мира, — это весной и осенью. Работы по моим знаниям здесь нет, да и на ссыльного никто никакого внимания не обращает.

Подобное положение не наказание, а глумление над личностью человека, полная инквизиция, даже можно назвать глупость, т<ак> к<ак> никакой закон не разрешает издевательства, а для социалистического государства — это позор. Вполне уверен, что не найдется человек, которому я когда-либо причинил вред или совершил какое-либо преступление против государства, и положительно не понимаю, за что несу такой тяжелый крест на старости лет; вот уже более 15-и лет разлучен с семьей, живу в самых тяжелых условиях, без самого необходимого для жизни, даже насущного хлеба и страдаю морально.

Не оспариваю, что по своим старческим годам не подхожу под нынешний уклад жизни, да и менять свои убеждения не только невозможно в мои годы, но было бы крайне глупо и возможно стать посмешищем народа. По духу своему я более всего монархист, т<ак> к<ак> считаю всякую власть насилием, но ввиду невозможности существования анархии всегда подчинялся власти, хотя при царском правительстве считался "красным", а ныне более причисляют к "белым".

При царском правительстве за свои убеждения просидел полтора года в крепости, а ныне томлюсь более четырех лет в ссылке, когда 7 ноября нынешнего года кончится пять лет. Где же справедливость и последовательность. Социализм был всегда в основе моего мышления, и путей к нему очень много, только надо отыскать самый верный, безболезненный и подходящий под дух народа. Быть может я и негодный гражданин для коммунистического государства, так зачем же на старости лет меня мучить, издеваться надо мной; гораздо справедливее и проще выслать меня из пределов России без права когда-либо возвращения. Ведь я уже стар, инвалид, требую призрения и опеки, которую могу получить в своей семье, и лишать меня этого, когда мне отказывают в посильном заработке, думаю, никто не вправе. Конечно, силой все возможно сделать, но разве это будет право справедливости? Положение таково, что ни в какие ворота не влезешь.

Простите, что своим длинным посланием утомил Вас и отнял ценное время, которое дороже всего, как невозвратимое, но обливается сердце кровью, душа болит, и ничего не могу придумать для облегчения своей участи. Вот почему и решил Вам написать и просить помощи, вполне надеясь, что Ваше отзывчивое женское сердце поймет меня, даст некоторую поддержку для жизни и сделает все возможное, чтобы меня отправили в город Львов, где живет моя семья, которая приютит меня и даст возможность остаток своих лет провести без мучений и голода.

В ожидании благосклонного Вашего ответа, прошу принять истинное почтение, заранее благодарный А. Масленников.

24 июля 1934 г<ода>.

Адрес: Восточная Сибирь, Туруханский район, станок Старо-

Туруханск. Масленникову Анатолию Сильвестровичу»².

В марте 1937 — Анатолий Селивестрович Масленников, так и не освобожденный из ссылки³, вновь просил помощи Екатерины Павловны Пешковой.

<26 марта 1937>

«Глубокоуважаемая Екатерина Павловна!

Простите, что так долго не уведомлял Вас о полученном через Вас письма от жены, но задержала болезнь. От всей искренней души благодарю за принятый на себя труд, но это доброе дело не может быть забыто мною, т<ак> к<ак> только благодаря Вам и получаю кое-когда весточку от семьи. Шестнадцать лет как разлучен с семьей и восьмой год кончаю высылку в Туруханский суровый край, имея 76 лет от роду. Каждый год ожидаю свободы, но, видимо, об нас никто не заботится. От НКВД никаких непосредственных сообщений не получил, согласно Вашего любезного сообщения еще в 1935 году. По своим годам не могу быть уже вредным элементом, так как только требую спокойствия и признания: сам работать не могу, как полный инвалид в двойном виде, — по старости и по контузии и ранениям в бывших войнах, да и в таком возрасте никому я не нужен, и никто никакой работы не дает, так как, естественно, нужны молодые силы. Что же делать нам, старикам, в особенности в этом суровом и тяжелом для нас краю? Просить милостыни так тяжело и обидно, что большую часть времени сидишь голодным и не выходишь из избы, вернее с кровати, которую дают тоже из милости, так как платить нечем и заработка никакого.

С объявлением новой Конституции ожидал многого, но положение мое нисколько не изменилось, все осталось по-прежнему и, согласно указанию ЦИКа, и хлопотать, как будто, уже нельзя. Ныне прочел в газете, что, якобы, все, несудимые судом, должны быть правомощными гражданами, но редакция ЦИКа Союза ССР так коротка и малопонятна, что снова все стоит без движения. Вырезку из газеты прилагаю с просьбой, чтобы выяснили этот вопрос и сделали ли бы точное решение в отношении меня, дав возможность хоть быть свободным. Арестован был в 1929 году, в ноябре и распоряжением Омского ГПУ, без всякого суда, без объявления ст<атьи> <Уголовного> Кодекса, сослан в Туруханский Край, без объявления срока. И так мучаюсь уже восьмой год. Когда же всему этому конец? В СССР у меня нет ни одной родной души, семья за границей, и мое только спасение быть в своей семье, которая призреет меня на склоне своих лет, хотя и они бедствуют, но дети, выйдя на дорогу, как-нибудь нас стариков поддержат.

Прошу извинения за такое длинное послание, чем отымаю у Вас время, которое пошло бы на другое полезное дело, но тяжелое положение заставляет Вас беспокоить и просить помощи, помня еще с детства, что дающего рука не оскудеет. Одновременно прилагаю письмо к своей жене, покорно прошу переслать его.

Примите уверение в истинном почтении и уважении, заранее благодарный

А<натолий> Масленников.

26/III - <19>37 г<од>

С<ело> Ново-Туруханск, Красноярского края»⁴.

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д.1180. С. 55-56. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1: Д. 1382. С. 114-118; Д. 1515. С. 217.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1600. С. 204-205. Автограф.

8 октября 1937 — Анатолий Селивестрович Масленников был арестован как «участник контрреволюционной группировки», 19 ноября приговорен к ВМН и расстрелян в тот же день⁵.

⁵ «Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.